

Б.Ф.Мартынов

BRICS: «Будем реалистами — потребуем невозможного!»

Во второй статье, посвященной комплексному анализу феномена BRICS, речь идет о специфике вхождения в этот формат Бразилии и России, образах этих стран в региональном и глобальном контексте и необходимости для России в ближайшие годы четко определить свою внешнеполитическую стратегию с точки зрения участия в глобальном регулировании.

Ключевые слова: BRICS, многополярный мир, глобальные проблемы современности, цивилизационный подход, имидж Бразилии и России, стратегия внешней политики Российской Федерации.

В первой статье под тем же названием автор стремился показать, что значение BRICS выходит за рамки экономики, касается вопросов «большой» политики и философии международных отношений. Удел BRICS, как предполагается, — способствовать формированию многополярного («многоцивилизационного») мира, с тем чтобы путем синтеза цивилизационно-культурных парадигм найти способ решения глобальных проблем.

Полагая, что сделать это будет непросто (ввиду наличия существенных взаимных различий в области культуры, религии, философии и, наконец, правовых систем* Запада и Востока, негативных исторических и психологических наслоений предшествующего периода), автор считает, что участие в BRICS «пограничных» цивилизаций России и Бразилии, при наличии соответствующих кондиций, может существенно облегчить межкультурный диалог. Предлагаемая статья посвящена рассмотрению этих кондиций.

Признавая яркость и убедительность женского образа, как близкого к универсальному средства передачи философами и поэтами субъективного восприятия страновых реалий**, непричастный к богеме автор, тем не менее, не хотел бы оставлять в одиночестве «Безумную Грету» (см. статью

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (b.martynov@mtu-net.ru).

* См.: Б.Ф.М а р т ы н о в. Потенциал правового взаимодействия стран БРИК. — Латинская Америка», 2010, № 10.

** Слова А.Блока: «О Русь моя, жена моя!» перекликаются с представлениями Н.Бердяева «о вечно бабьем в русской душе».

первую. — Латинская Америка, 2011, № 10). Пытаясь подыскать женские аналоги для современной Бразилии и так называемой «новой» России, он на всякий случай констатирует безусловное уважение ко всем гендерным правам, которые завоевывались в нелегкой борьбе.

«ГАРОТА ДА ИПАНЕМА» («*GAROTA DA IPANEMA*»)

Образ красивой загорелой девушки, «летающей походкой» вышедшей навстречу солнцу и морю под задорную музыку и восхищенные взгляды зевак, — чем не квинтэссенция современной Бразилии, осознавшей свою красоту и востребованность? Составляющие ее образа: динамика, оптимизм, «ударное» расово-культурное смешение. И еще — напророченная в детстве судьба стать успешной и богатой, да и само детство, прошедшее пусть в бедной, но зато в не очень склонной к насилию семье.

Сначала о судьбе. Писатели и поэты иногда видят дальше своих современников и могут расшифровывать коды будущего, неподвластные профессионалам от политики. Не потому ли сегодня все чаще слышатся голоса, призывающие нас «чутче» реагировать на озарения «лириков»?*

В Латинской Америке «в окружении испаноязычных стран, существует одна, вставшая на путь замечательного прогресса», — написал в 1907 г. Мигель де Унамуну. «Мудрец сказал бы, что сам Господь, расположив португалоязычную нацию среди испаноязычных, замыслил в не столь отдаленном будущем их объединение в едином ибероамериканском духовном порыве, которому по обе стороны Атлантики будут суждены великие свершения»¹.

Эти слова выдающегося испанца вряд ли могли быть немедленно восприняты как руководство к действию. Но вот что характерно: чем больше политика *добрососедства и регионального сотрудничества* становилась основой внешней политики Бразилии, тем увереннее утверждалась она на пути «замечательного прогресса». Эта зависимость явно просматривалась в период 1909—1912 г. (расцвет дипломатического искусства «Золотого канцлера» Бразилии — Жозе-Мариа да Силвы Параньюс, барона де Рио-Бранко), в годы президентства Жетулио Варгаса и особенно в наши дни. Обратим, однако, внимание на то, что сегодня не только европейцев и североамериканцев (т.е. людей, привыкших к прагматичному взгляду на мир), но и некоторых бразильцев удивляет, что на алтарь «духовного порыва» отложенного *ad posteriolem* (на потом, лат.), Бразилия в последние годы довольно часто приносила в жертву свои конкретные прагматические интересы.

Сильно ли «напрягает» Итамарати** терпеливое (наш взгляд, в чем-то даже «снисходительное») отношение к «революционным» эскападам Уго Чавеса, к фактам поддержки этим последним боевиков Революционных вооруженных сил Колумбии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC) и альтернативного Общему рынку стран Южного конуса (Mercado

* См., например: J. C o o p e r R a m o. The Age of the Unthinkable. New York, 2009; H. W e l z e r. Guerras Climáticas. São Paulo, 2010.

** Дворец Итамарати (Palácio Itamaraty) — устоявшееся обозначение резиденции Министерства иностранных дел Бразилии.

Эта типичная бразильянка, наверное, могла бы подойти под образ «Девушки из Ипанемы»

Común del Sur, Mercosur) проекта Боливарианского альянса для Америк (Alianza Bolivariana para la América, ALBA)? Какие чувства должны были испытывать бразильцы по поводу национализации Боливией филиала «Петробраз», односторонних требований Парагвая увеличить плату за гидроэнергию, отказа правительства Эквадора от обязательств перед BNDES? Не говоря уже о череде ограничений в отношении бразильских товаров на рынке Аргентины... Вопросы, скорее всего, риторические. Спокойное и на первый взгляд даже какое-то «благодарное» отношение к ним в Бразилиа явно контрастировало с тем, которое мы привыкли наблюдать в отношениях между собой государств — членов Организации экономического сотрудничества и развития (Organización de la Cooperación y el Desarrollo Económico, OCDE). Что это? Столь знакомое нам, россиянам, еще

по 90-м годам желание «понравиться всем» или слепое следование кем-то одобрения данной тактической установке?*

«Бразилии пора научиться быть великой», — заявляет бразильский юрист Пауло Борба Казелла и отвергает то, что, прибегнув к вольному переводу, можно было бы назвать политикой «добренького соседа» («a política do «bom mocismo»). «Курс на интеграцию был унаследован нами от предыдущих правительств..., но мир за пределами региональных «междусобойчиков» стал для нас сейчас более интересен и значим. Должна ли и дальше интеграция «любой ценой» оставаться приоритетом номер один? Приоритетом, — считает Бобра Казелла, — должны быть национальные интересы, не связанные с личными предпочтениями и идеологическими преференциями»².

Что-то показалось очень знакомым в этой сентенции. «Самому лучшему президенту Бразилии XX века» — Луису Инасио Луле да Силве за восемь лет правления частенько приходилось выслушивать упреки в адрес своей внешней политики от либералов и прочих правых за «игнорирование насущных нужд страны», «разбазаривание средств» и «отрыв от реальности». Действительно, повышенная активность бразильской дипломатии на латиноамериканском и афро-азиатском направлении, визиты Лулы в Индию, страны тропической Африки, арабского Востока и на Кубу, проведение в Бразилиа встреч по линии «Mercosur — Африка», «Mercosur — Ближний

* «Гуру» бразильской внешней политики — советник президента Луиса Инасио Лулы да Силвы Самуэл Пиньейро Гимараэс, коснувшись в своем выступлении в Университете Бразилиа 26 апреля 2003 г. темы об отношениях Бразилии со своими соседями, заявил о необходимости «научиться терпеливо сносить «мелкие уколы» сегодня ради одной большой «фесты» завтра».

Восток» и т.д., конечно же, *не давали немедленной материальной отдачи* в виде увеличения объемов торговли, инвестиций и т.д. На Индию, которая при Луле начинала становление в качестве одного из главных внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров Бразилии, в 2000 г. приходился всего лишь 1% ее товарооборота, а государства Ближнего Востока — Египет, Сирия, Тунис, Ливия и Ливан — поглощали всего 4% ее экспорта. В длинном списке «провинностей» Лулы фигурировало и списание долгов беднейшим африканским странам на сумму в 402 млн долл., и помощь государствам, входящим в Сообщество стран португальского языка... Однако главным «грехом» «внешнеполитического шаманизма» и «третьемировского фетишизма» его правления, по мнению журнала «Veja», было, оказывается, даже не столько это, сколько намерение «изолировать Бразилию от сообщества демократических государств»,³ опасение, что активная внешняя политика может быть кем-то «неправильно понята». Вот оно что! Оказывается сам факт проведения многовекторной внешней политики (при том, что ни о каком разрыве с «демократическими государствами», естественно, не было и речи) «с порога» воспринимается правоверными либералами как криминал! Как же, оказывается, ревнуют «Девушку из Ипанемы» ее участливые опекуны!

И не случайно. «Цивилизационное» направление внешней политики Бразилии, наметившееся при Фернандо Энрике Кардозо, при Луле многократно усилилось. Стратегия *опоры на Латинскую Америку и развивающиеся страны, а в последние годы — и на «страны-гиганты» в качестве «стартовой площадки», при сохранении партнерских (но, ни в коем случае не сервильных!) отношений с США и Западом закономерно дополнилась инициацией общеглобального дискурса.* Конкретные практические интересы могли (и, наверное, должны были) временно приноситься в жертву ради осуществления «большого проекта»: становления новой «великой державы» к середине текущего столетия. Жесткая реальность диктовала выбор. Самостоятельное подключение к глобальному регулированию для такого «новичка», как Бразилия, практически невозможно без опоры на регион. Соответственно, бразильской дипломатии необходимо и дальше спокойно справляться с комплексом «вечно второй» Аргентины, с завышенными амбициями Мексики, спускать на тормозах «революционную» активность боливарианцев, посредничать в территориальных спорах, не давать чрезмерно «куститься» региональным интеграционным структурам, поддерживать «цивилизованные» отношения с США и т.д.

Отрыв Бразилии от ее латиноамериканского антуража, под предлогом того, что она, якобы, его «переросла», как это предлагает П.Борба Казелла, идет явно вразрез его собственному, обращенному к ней же призыву «научиться быть великой». Можно допустить, что эта мысль явилась бразильскому юристу в сугубо эмоциональном облиии, связанном с недовольством «неоправданными», с его точки зрения, уступками соседям. Но, научной объективности ради, отметим: планетарные *тектонические сдвиги*, обозначенные подъемом латиноамериканской, конфуцианской, индуистской, и, наконец, в самое последнее время — исламской цивилизаций, придают понятию «величие» особые черты. Признание международного престижа и влияния теперь более уже не связывается с негласным, но *по сути дела обязательным* условием принадлежности страны, независимо от гео-

графических и социально-экономических реалий, к цивилизационно-культурной парадигме Запада, как это было на нашей планете практически все время, начиная с XVI в. Сегодня, когда использование «жесткой силы» — самой неотъемлемой составляющей этой парадигмы, сталкивается со все более непреодолимыми преградами (от невозможности применения ядерного оружия до контрпродуктивности экономического давления), на первый план выходит *«сила мягкая»*, в основе которой — цивилизационно-культурные доминанты глобального Востока и Юга. В этих условиях отрыв от «корней» уже не может рассматриваться как гарантия суверенитета и независимости, скорее — как бессмысленная и контрпродуктивная дань «уходящей натуре». «Европейский» (а, если по сути, то *атлантический*) «выбор» балканских стран и некоторых государств Южной и Восточной Европы может служить тому хорошим подтверждением. Отказавшись от своего латиноамериканского антуража, т.е. автоматически примкнув к «коллективному Западу», «Страна Южного Креста» навсегда поставила бы крест на своих амбициях, став великой... «понарошку», уподобясь той же Японии, Италии или даже Германии, диапазон принятия суверенных решений у которых более узок, чем у сегодняшней Бразилии, не говоря уже о той, какой она станет завтра.

Против такого выбора свидетельствует фактор *витальности*. Бывая в Бразилии, не устаешь поражаться жизненному тону бразильцев, их уверенности в сегодняшнем дне и вере в будущее. Когда в столичном аэропорту рядом с вездесущей рекламой на глаза попадает лозунг: «Бразильское качество — на уровне мировых стандартов», вспоминаются далекая юность и наше знаменитое: «Советское — значит отличное!». Но сравнение получается грустным. Когда в городе на растяжке встречаешь призыв: «Станем пятой экономикой мира к 2020 году!», то в это верится... Когда в выходные дни на Авенида Атлантика в Рио-де-Жанейро регулярно выходят тысячи людей разных цветов кожи, разных уровней достатка и социального положения, чтобы устроить грандиозный забег, и ради этого на самой Авениде и прилегающих к ней улицах перекрывают движение, то понимаешь, что массовое стремление к здоровому образу жизни объясняется просто — желанием жить и трудиться и верой в то, что светлое будущее обязательно *будет*. Эта вера зримо подкрепляется успехами борьбы с бедностью и ростом среднего класса, технологическим прогрессом страны и растущим уважением к ней за ее пределами.

Бразильцы всегда весьма трепетно относились к «статусности» своей страны в регионе и мире. Сегодня их вера в возможность становления ее в качестве новой глобальной державы получает материальное подкрепление. Отнюдь не случайно *примерно 70% успеха Дилмы Руссеф на президентских выборах следовало, по мнению бразильских СМИ, отнести за счет поддержки электоратом внешней политики Лулы*. Но это же полностью опровергает ламентации* либералов насчет «третьемирского шаманизма», а заодно и все страхи Борбы Казеллы в отношении региональной «зашоренности» своей страны!

* От латинского *lamentatio* — «плач, рыдание» (прим. ред.).

П.Борбу нельзя отнести к числу «BRICS-пессимистов». «Инновационная перспектива BRICS, — пишет он в конце своей книги, — в том, что все они способны не только позаботиться о себе сами, но и сформулировать принципиально новую модель интегрирования в структуры международного сотрудничества. Бразилии такая перспектива особенно по силам, поскольку риск восприятия ее другими как гегемона — минимален, а понятие «бразильская угроза» относится к жанру фантастики»⁴.

Согласимся с юристом, признав, однако, его мнение, как минимум, противоречивым. Во-первых, для него (как и для многих пишущих о BRICS), характерно смешение двух проекций этого формата — краткосрочной и долгосрочной (об этом нами говорилось в первой статье). Долгосрочная при этом невозможна без признания цивилизационной «самости» Бразилии как неформального лидера латиноамериканского мира для установления равноправных рабочих контактов с западным, конфуцианским, исламским, индуистским, православным и т.д. мирами.

Во-вторых, зависть и ревность, как известно, рожают злобу и непонимание. А также желание максимально «насолить» предмету своей былой страсти. **Опасение**, что Бразилия будет развиваться именно по «цивилизационному» пути (готовность Запада принять ее в «клуб великих», но только на *своих условиях* впервые была отмечена еще в 1975 г.), наверняка приведет к попыткам «сказку сделать былью». Кто-то на Западе, да и в самой Латинской Америке, припомнит ей интервенцию в Доминиканской Республике под командованием бразильского генерала в 1965 г.; кто-то ради того, чтобы вбить клин в отношения цивилизационно-близких стран, попытается «копнуть» глубже, инкриминируя Бразилии приращения в 1899—1909 гг. территорий, почти равных по площади Франции (несмотря на то, что ни у кого из ее соседей нет сомнений по поводу их легальности). Поэтому с точки зрения *долгосрочных перспектив развития* политика «стоического восприятия булавочных уколов» со стороны соседей, на которые так негодует П.Борба, оправдана и закономерна. Она — квинтэссенция политики «мягкой силы», до сих пор приносившей Бразилии только успех. Ее сохранение — залог будущего величия страны и гарантия ее самостоятельного, а не транслированного через подвластные «коллективному Западу» глобальные структуры, влияния на мир. Такая политика «по большому счету» отвечает интересам и нашей страны.

Но, если даже «Девушке из Ипанемы» при остром желании можно предъявить какие-то упреки, то, что тогда говорить о России? Не скроем, многие, даже те, кто причисляют себя к «BRICS-оптимистам», не всегда однозначно оценивают ее роль в этом формате. Такая оценка и нам представляется пока достаточно сложной. Да и персонифицировать Россию — задача не из легких...

«СКАЧЕТ СИТО ПО ПОЛЯМ.....»

Некоторые исследователи творчества К.И.Чуковского считают, что за своими сказочными персонажами он скрывал реальных людей. Так, «рыжий и усатый» «Тараканище», по их мнению, — не кто иной, как И.В.Сталин. Возможно, что это так. Нам же кажется, что главная героиня его сказки «Федорино горе» обобщает образ России как таковой. Федора,

судя по обилию у нее всякой домашней утвари, женщина далеко не бедная, но недалекая: ей присущи онтологизация теоретических схем, глубокий историософский нигилизм и некий врожденный морально-этический *не-вдомек*. Конфликт Федоры с посудой — иносказание о самом страшном событии в российской истории XX в.: целенаправленном вымывании и массовом исходе за рубеж ее *генофонда*, что стало причиной всех наших последующих бед и несчастий. Этот образ, между прочим, «сквозной» для нашей истории, «блестяще» выдержал испытание временем. В 90-е годы так называемая «новая» Россия — наследница старого СССР — вновь бездумно разбросала по свету лучшие кадры, так и не сумев избавиться от большевистского взгляда на людей как на придаток неких «экономических законов». В результате:

«И чашки ушли, и стаканы.
Остались одни тараканы.
Ой горе Федоре,
Горе!»

Действительно, горе. При всех благоприятных видах на ускоренное развитие страны, даже для самых упертых *homo econotomicus* не секрет, что главным его тормозом является *человеческий фактор*. И дело тут не только в плохой демографии. Коррупция, чиновничий беспредел, полицейский произвол, низкий уровень деловой и общей культуры, высокий — преступности, социальная апатия, как следствие — «пофигизм» и инфантилизм молодежи... Наши «предприниматели», по словам президента Д.А.Медведева «ничего не предпринимают, потому что у них уже все есть». То же самое можно сказать о футболистах и хоккеистах, артистах, привыкших к халявной «фанере» и пр. «Россия, — отмечал на конференции в РУДН в ноябре 2009 г. профессор В.Г.Хорос, — переживает серьезный цивилизационный кризис». Неслучайно именно Россию (до принятия в BRIC ЮАР) при всех доставшихся ей в наследство от СССР политических и военных «мускулах» было принято считать слабейшим звеном «великолепной четверки». «Без утверждения жизненных ценностных ориентиров, адекватных отечественным традициям, — справедливо отмечал этот автор, — России не справиться с нынешним социальным, политическим и идейным разбродом. Только установление общественного консенсуса по поводу действительно значимых ориентиров и целей, духовных и нравственных опор помогут объединить тот креативный потенциал российского общества (ученые, инженеры, квалифицированные рабочие, сельчане, желающие нормально трудиться на земле), который в России пока еще существует, но который политически и морально дезорганизован и постепенно размывается»⁵. Именно в этом, добавим от себя, коренится, отмеченная директором Института Дальнего Востока РАН академиком М.Л.Титаренко, одна из причин того, что российский крупный бизнес, кругозор которого по-прежнему зашорен односторонним «западничеством», медленно осознает свои интересы на восточном и латиноамериканском направлениях, в то время как Китай (а также Бразилия и Индия) сделали «разумный выбор» в пользу преференциального сотрудничества с партнерами по новому формату⁶.

Но бизнесменов-«западников» неустанно обслуживают многочисленные СМИ, а также целый полк «политологов» и «аналитиков», для которых «профессиональное» бичевание бед и пороков «этой страны» и превознесение благ западной ойкумены стало *рефлексивным*. Если задаться целью собрать все их гневные обличения, «благородные» намерения, «проверенные» рецепты и обещания райской жизни «как на Западе», зарифмовать и издать отдельной книгой, то она будет поразительно напоминать собой сборник «Стихотворная сатира времен первой русской революции» (Малая серия «Библиотеки поэта», Изд-во Советский писатель, М., 1983 г.). Наши либералы, по-видимому, не читали (а если и читали, то не усвоили) покаинный труд российского либерализма «Вехи. Из глубины». Им явно «не ко двору» признание органической связи ленинизма с западным «атеистическим материализмом», о чем на закате своих дней писал кумир российских либералов А.Ф.Керенский. Его слова о том, что «мавзолей Ленина в Москве — символ духовного и морального разложения Европы»⁷, — подтверждение этого идейного родства, о котором позднее напишет и С.Хантингтон*.

«Федорино горе». Рисунок В.М.Конашевича

«Тараканы» в головах российских экономических «элит», считающихся таковыми за неимением лучшего, не дают слезть с «нефтяной иглы», победить преступность и коррупцию, «включить» модернизацию, заиграть в футбол и хоккей. Те же самые насекомые, которые облюбовали пристанище в головах некоторых представителей политического и научного мира, мешают *понять, наконец, кто мы есть, откуда пришли и чего хотим от этой жизни*.

В разгар кулуарной беседы с одним из делегатов на международной конференции по BRICS, которая проходила в Рио-де-Жанейро в апреле 2008 г., довелось услышать: «Ну, что вы хотите? *Наши* страны страдали от колониализма и унижений со стороны Запада. Россия же сама была частью этого колониалистского Запада и угнетала других. А теперь она одной ногой там, другой здесь. Поднаберется сил, глядишь — все вернется на «кру-

* «Конфликт между либеральными демократами и марксистами-ленинцами — конфликт между идеологиями, которые, несмотря на все различия, были секулярными и провозглашали общие ценности в виде свободы, равенства и материального благосостояния. Либерал-западник всегда мог иметь предмет для дискуссии с советским марксистом. Но только не с русским православным националистом» (S.H u n t i n g t o n. The Clash of Civilizations. New York, 1996, p.142). В книге «Уолл Стрит и большевистская революция» американский автор Энтони Саттон на примере многочисленных фактов доказал существование «постоянной, хотя и скрытой связи между транснациональным капиталом и революционерами-интернационалистами к их общей, далеко идущей выгоде» (A.S u t t o n. Wall Street and the Bolshevik Revolution. Arlington House, 1974, p. 121).

ги своя». «Хотя, нет, наверное, я не совсем прав., — произнес делегат чуть погодя с оттенком некоторого смущения. — У вас война была, конечно, жертвы.... Но все же, согласитесь, что мы такие разные!».

Трудно обвинять иностранца в незнании российской специфики, тем более что ее не знают примерно 90% россиян. Если оценивать историю нашей страны беспристрастно, то надо признать, что она *постоянно* была объектом агрессии со стороны «цивилизованного Запада», как силовой, так и идеологической (марксизм, либерализм). Эта последняя нанесла ей наибольший вред, в результате которого самая богатая в мире и бурно развивавшаяся в начале XX в. страна, население которой по подсчетам профессора Д.И.Менделеева к концу его должно было составить 300 млн, вошла в новое столетие в качестве «переходной экономики» с населением в 142 млн*. Вот оно — наследие глупой Федоры, которая разбазарила собственное богатство, дав увлечь себя сказочками о «всемирном братстве», «свободе» и «демократии»! Подмена смысловых и ценностных ориентиров цивилизационно-культурного развития, начавшаяся с петровских времен и не закончившаяся по сей день, похоже, обходится нам дороговато... Нам могут тут же возразить, что за свободу, мол, «надо платить». Но мы вправе задать такой вопрос: «А стоит ли *качество* той свободы, которую мы на сегодняшний день имеем, уплаченной нами за нее *цены*?». Признаться, мы почти уверены, что ответом будет: «Свобода бесценна». Но если так, то разница между методами либеральной демократии и коммунистической диктатуры исчезнет уже окончательно.

Несмотря на некоторые, пока очень скромные, успехи правительства в борьбе с демографическим кризисом, *витальность* России оставляет желать много лучшего. Мы захватили и удерживаем лидирующие позиции по числу разводов, количеству беспризорников, самоубийц и умалишенных. В наших тюрьмах — около миллиона заключенных. В России каждый шестой — бедняк, а каждый третий мужчина и каждая шестая женщина умирают из-за проблем с алкоголем⁸. О «зашкаливающей» статистике самоубийств мы говорили в первой статье. Одна из причин этого — отмеченная в свое время еще Э.Дюркгеймом «аномия», т.е. *отсутствие у человека четких поведенческих норм и установок на будущее, утрата им чувства надежды в условиях продолжающегося почти непрерывно с начала «реформ» в России тяжелого психосоциального стресса*⁹.

Когда представители либерального лагеря призывают равняться на опыт США, с ними можно согласиться по форме, но никак не по существу. Ведь из этого опыта они берут лишь сухую формулу, модель, «забывая», что без американского патриотизма (отрицать который невозможно), без веры американцев в себя, в свою страну и ее миссию в мире (веру, во мно-

* С 1897 по 1914 г. число жителей России увеличилось на 47 млн человек — с 116 до 163 млн (без учета жителей Финляндии и Польши). Во время Гражданской войны в России погибли от 12 до 13 млн., насильственная коллективизация, голод и репрессии унесли с собой еще 10 млн. Свыше 27 млн погибли на Великой Отечественной. Со второй половины 60-х годов смертность в СССР начала медленно, но верно, превышать рождаемость. После «демократизации» и либеральных «реформ» 90-х годов 25 млн русских оказались за пределами России. Итого — за XX век немотивированные потери России, необъясняемые никакими естественными причинами (рождаемость и смертность), составили около 65 млн человек (С.П е р е в е з е н ц е в. Россия. Великая судьба. М., 2009, с. 642).

гом, наивную), Америка не стала бы тем, чем является сейчас. Мы же, попытавшись в начале 90-х годов воспроизвести у себя «их» модель, почему-то отбросили самую ее сердцевину — человеческий фактор как «избыточный». Даже теперь многие у нас еще склонны считать российский патриотизм «злом», а государственную идеологию — «пережитком», предпочитая заменять ее азбучной истиной: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным!». Но трюизмы такого рода вряд ли могут заполнить «без остатка» российскую душу. Рискнем высказать «кошунственную» мысль, что никакие меры по дальнейшей «демократизации» (обеспечение реальной многопартийности в Думе, выборы губернаторов и т.д.) не дадут должного решения, пока представители наших «элит» все как один будут и дальше в первоочередном порядке стремиться к решению своих личных проблем. Никакая более ответственная политика в отношении «восходящих» стран не будет возможна, пока они продолжают хранить свои «кровные» в западных банках и отправлять детей на учебу в «престижные» колледжи и университеты Запада.

Наверное, не стоит пытаться изобретать «национальную идеологию», а для начала просто и непредвзято разобраться в своей *истории* и признать, что в результате всех перипетий XX в. в новое столетие наша страна вошла глубоко *травмированной*, и что эта травма дает и еще долго будет давать тяжелые осложнения. Сегодня речь не столько о проблемах, сколько о *людях, которых нам катастрофически не хватает в связи с этими проблемами*. О том, чтобы *восстановить культурный слой, который мы безобразно растравили в несчастном для России XX столетии*. Без этого культурного слоя и новых *полноценных* государствообразующих элит нам просто не обойтись. Они нужны, чтобы над каждым коррумпированным чиновником не ставить еще более коррумпированного, чтобы иметь *иммунитет* от эксцессов западного индивидуализма и гедонизма, с которыми, по-видимому, еще долго придется сталкиваться и т.д. Они нужны нам, в том числе и для того, чтобы наша политика на «постсоветском пространстве» перестала, наконец, нести на себе клеймо «*Made in USSR*» и позволила бы России вновь начать собирать вокруг себя тот самый исторический «Русский мир», без которого ей не стать самостоятельным участником многоцивилизационного миропорядка. Но такие дела не делаются в одночасье. В этом плане автор остерегается причислять себя к сторонникам «ускоренной модернизации» (очень уж много здесь параллелей с «ускоренной индустриализацией» 30-х!). А вот вместо термина «замедленная модернизация» он предпочел бы «органическая» или «естественная». Впрочем, кому как нравится...

В русском менталитете понятия «жалеть» и «любить» зачастую имеют один и тот же смысл, не искаженный культурно-просветительским диктатом Запада. Вместо привычного самобичевания и блужданий по замкнутому кругу от следствия к следствию россиянам стоило бы подумать о воспитании — в первую очередь в молодежной среде — *сочувствия и любви к России, основанных на правильном понимании причин стоящих перед нею сегодня проблем*.

Вернемся к нашей Федоре. Гениальность сказки К.Чуковского — не в назидательности, а в нетривиальной концовке. Посуда, как мы помним из детства, *пожалела* Федору и вернулась, а та раскаялась и поумнела:

«Уж не буду, уж не буду
Я посуду обижать!
Буду, буду я посуду
И любить, и уважать!»*

А там и благосостояние не замедлило: пироги да блины, самовар, кофе с чаем...

Сказка — ложь, да в ней намек: не пора ли перестать потребительски относиться к России как к раздающей бесконечные дивиденды и бонусы западной бизнес-леди и постоянно требовать от нее то, что она пока *не в состоянии* дать? Пропаганда безудержного потребительства (как в экономике, так и в политической, социальной и культурной жизни) в этом смысле нам, скорее, не друг, а враг. Вспоминаются слова Дж.Кеннеди — первого президента-католика США: «Не спрашивай у страны, что она тебе даст, лучше спроси у себя — что ты можешь дать ей?». Судьба самого Кеннеди отлично проиллюстрировала идею конфликта цивилизаций на примере отдельной личности.

В деникинской газете «Грядущие перспективы» начинающий литератор М.А.Булгаков писал о том, что случится после победы «Белого дела» (отложенной с весьма существенными ремарками до начала 90-х): «Тогда страна, окровавленная, разрушенная, начнет вставать... медленно, тяжело вставать. Те, кто жалуются на «усталость», увы, разочаруются. Ибо им придется «уставать» еще больше... Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. И мы ...вынуждены будем сказать нашим детям: «Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»¹⁰. Таков «рецепт» от классика, который, к сожалению, мало востребован нынешними российскими «элитами». Многие у нас уже не помнят социальную революцию. Зато она часто напоминает нам о себе.

«БЕСКОНЕЧНЫЕ ВОЙНЫ ДУХА»

Говоря о России, П.Борба Казелла отметил: «Погруженная в проблемы, в атмосфере царящей неуверенности Россия ищет свою судьбу и путь в этом мире. В ее случае пристальнее всмотреться в прошлое значит лучше предвидеть будущее». По мнению этого бразильского юриста, путь от «России прошлого к России нынешней» должен проходить через стратегический регион Центральной Азии, где выковываются новые геополитические конфигурации и альянсы — «прямоиком к союзу с Индией»¹¹.

На наш взгляд, отнюдь не случайно мысль П.Борбы устремилась к Центральной Азии, на просторах которой с середины XIX по начало XX вв. разворачивалось острое геополитическое противостояние — так называемая «большая игра» между Россией и Англией. Только теперь на этой исторической сцене во весь рост поднялись Индия и Китай, готовые стать одними из главных несущих опор формирующегося миропорядка. Большинство «BRICS-оптимистов» выражают в этой связи надежды на органичность и безболезненность данного процесса. П.Борба, например, счи-

* Приводится по: К.Ч у к о в с к и й. Сочинения в двух томах. М., 1990, том 1, с. 38—43.

тает Индию, учитывая ее «арийские корни» и долгое «вызревание» в качестве британской колонии, таким же цивилизационным «мостиком» между Востоком и Западом, как Россия, и между Севером и Югом, как Бразилия и ЮАР. Профессор Абдул Нафей специально подчеркивает задействованность своей страны в «низовых» структурах BRICS* и также придерживается мнения об особой конструктивности «евразийского» российско-китайско-индийского альянса, «подкрепленного» с глобального Юга бразильско-южноафриканским. Вот и автор этой статьи, как это, казалось бы, вытекает из его первой работы, готовится видеть в BRICS некую цивилизационно-культурную «скрепу», которой можно будет безболезненно «подлатать» подгнивший мостик западной цивилизации над бездной глобальных проблем.

Игра в построение «мостиков» увлекательна и мила. Людям свойственно верить в хорошее и предаваться благим иллюзиям. Их можно понять, но реальность чаще всего демонстрирует иное. Представители BRICS хором заявляют, что их сотрудничество «не направлено против других». Но это сегодня. А что будет в недалеком будущем, когда «вестернизаторам», вопреки их желаниям и устоявшейся привычке, придется уступать свои места в «первом классе»? В.М.Давыдов, например, считает, что переход к многополярному миропорядку «неизбежно чреват определенными рисками, которые неоднократно демонстрировала история при перераспределении сил и влияния на мировой арене»¹². Даже если предположить, как это делает российский исследователь И.А.Сафранчук, что BRICS станет дополнением глобальных институтов, при *его же* рекомендации им не входить «даже на самых выгодных условиях» в эксклюзивный «клуб» Запада и «стараться выдвигать альтернативы тем ценностям, которые он воплощает»¹³, трудно отделаться от мысли, что похвальное намерение «не дружить против кого-то» не останется благим пожеланием.

Подчеркнем: не выдвигать альтернатив, идущих вразрез «ценностям Запада», для BRICS невозможно. Это чревато «потерей лица» и неизбежным «приговором» новому формату. Масла в огонь подливает А.Шеел — секретарь Департамента по экономическим вопросам правительства Индии, когда напоминает, что корни недавнего и всех будущих глобальных кризисов лежат в области, «которая традиционно не является предметом для дискуссии» (а это область тех самых «цивилизационных» ценностей!). Индийский автор предвидит в этой связи неизбежное приближение «идеального шторма» в мировой финансовой системе, и, по-видимому, не только в ней, если человечество, например, не найдет равнодействующую между госрегулированием (столь привычным для BRICS) и свободной рыночной экономикой («священная корова» Запада)¹⁴. Что уж говорить о планах BRICS перейти на взаиморасчеты в национальных валютах, попытках создания альтернативной Бреттон-Вудской самостоятельной валютной системы и пр. А ведь здесь не только экономика! Можно легко представить себе, какие «войны духа» (выражаясь словами Ф.Фукуямы) способны породить попытки претворения в жизнь этих и других планов!

* Индия имеет также статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где участвуют Россия, Китай и ряд бывших советских республик Центральной Азии.

Опасаемся, что не только «духа». Стоит обратить внимание на рост военных расходов в «восходящих» странах-гигантах. Расходов, *абсолютно оправданных* с их стороны ростом «непредсказуемости» и «разбалансированности» в мировой экономике и политике. И, добавим от себя, распространившимися повсеместно опасениями того, что новое столетие приведет к усилению борьбы за перераспределение глобальных источников энергии и природных ресурсов*. Размеры и природно-ресурсный потенциал BRICS (Россия и Бразилия, например, располагают почти *половиной* всех мировых запасов пресной воды) при низкой плотности населения на наиболее богатых полезными ископаемыми территориях не позволяют им расслабляться, уповая на «гармоничность» отношений с теряющим под собой опору Западом. Даже Бразилия, военные расходы которой в XX столетии редко превышали 1,5% ВВП, в 2007 г. вдвое увеличила свой военный бюджет и приняла программу радикального переоснащения вооруженных сил. Возможно, что на каком-то этапе развития «мягкая» парадигма восхождения «гигантов» столкнется с «жесткой» реакцией на нее. Рассчитывать на адекватность «Безумной Греты», у которой на все вопросы готов один ответ, — бомбежка, явно не приходится. Хочется верить, что термоядерные «зубы» нашей Федоры еще послужат ей некоторое время. Но что делать с гаротой? «Девушка из Ипанемы» в каске и с ПЗРК в руках? — Сюрреалистическая картина...

Своеобразной эпитафией по программе бесконфликтности, «политкорректно» заложенной в основу BRICS, могут служить слова индийского эксперта М.Вену: «История знает, чем и как добиваться своего от тех, кто не замечает ускользающей из под их ног почвы»¹⁵. Остается лишь надеяться на то, что она на этот раз не будет к нам столь беспощадна.

Для всех, кто так или иначе интересуется проблематикой BRICS, постепенно становится ясно, что новый формат скоро окажется перед выбором: аккомодироваться во «власти» или сделать ставку на «отложенное влияние»? Первый вариант поможет им частично адаптировать к своим интересам существующие правила игры. После этого, надо полагать, формат выполнит свою историческую роль, и надобность в нем отпадет. Второй вариант проходим, «если США не согласятся на более плюралистический и многополюсный мир и будут продолжать утрачивать свое лидерство, или если там возобладают изоляционистские тенденции, и с уходом этой страны из глобальной политики образуется вакуум силы»¹⁶. Как мы пытались показать, именно с этим вариантом связаны перспективы выработки более адекватных подходов к решению глобальных проблем, что с точки зрения перспектив земной цивилизации было бы отнюдь не лишним.

Сегодня положение России в BRICS характеризуется определенной двойственностью: нечто вроде «свой среди чужих, чужой среди своих». В ее основе — специфический статус ядерной державы, постоянного члена Совбеза и участника Г-8, не причисляемого, тем не менее, к «избранной

* См. соответствующее положение «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

элите» Запада. Сегодняшняя Россия — это такой своеобразный «не-Запад — не-Восток». Двойственность особенно заметна на фоне далеко не иссякших упований части нашей «элиты» на возможность альянса с США и встраивания в «коллективный Запад» (вот тогда-то — прощай нелюбимый ими BRICS!). Но поиск стратегического союза с Западом, помимо необходимости преодоления гигантских сложностей экономического, политического и культурного характера, означал бы для нас *поиск союза с цивилизацией постепенно, но неуклонно теряющей динамику развития!*

Нам кажется, что драматическая история России дает сегодня определенный *шанс*, терять который не имеет смысла. Если до 1917 г. вряд ли кто-то реально мог усомниться в том, что Императорская Россия — это такая же органически неотъемлемая часть Европы и Запада, как Австро-Венгрия, Италия или, скажем, Германия, теперь нашим дипломатам, порой с пеной у рта, приходится *доказывать* это. Только стоит ли? Может быть, в самом факте *выпадения* России из «обоймы» Запада на долгие 70 с лишним лет таился глубокий исторический смысл, пытаться *переосмысливать* который значит крутить Колесо Истории назад? В нашем случае историческая обреченность Запада *объективно не распространяется* на Россию, которая после «свободного падения» 90-х зависла в пространстве геоисторической неопределенности. Не стоит ли нам воспользоваться этим шансом, а также продвижением «цивилизационного» формата BRICS, чтобы попытаться впервые за долгие годы найти, наконец, собственный, а не заимствованный путь национального развития?

Русские сказки полны примеров трансцендентальных превращений. Может быть, глупая Федора со временем окажется способной преобразиться в благородную Царевну-Лебедь? Во всяком случае, будем реалистами — потребуем невозможного!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ M. de Unamuno. Por tierras de Portugal y de España. Salamanca, 1998, p. 20.

² P. Borba Casella. BRIC. Brasil, Rússia, Índia, China e África do Sul. Uma perspectiva da cooperação internacional. São Paulo, 2011, pp.47-48, 51.

³ Veja. São Paulo, 15.V.2005

⁴ P. Borba Casella. Op.cit., p. 152.

⁵ БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. Сборник докладов и выступлений на международной конференции М., 2010, с. 158.

⁶ Там же, с. 46.

⁷ А.Ф. Керенский. История России. Иркутск, 1996, с. 430.

⁸ Демографические перспективы России. М., 2008, с. 462.

⁹ Там же, с. 491—492.

¹⁰ Приводится по: Московские новости, 13.V.2011.

¹¹ P. Borba Casella. Op.cit., p. 72.

¹² БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия... с. 35.

¹³ BRIC in the New World Order. Perspectives from Brazil, India and China. New Delhi, 2010, p. 9.

¹⁴ Ibid., p. 49.

¹⁵ Ibid., p. 80.

¹⁶ Ibid., p. 8.